

МОСКВИЧИ ХОДЯТ ПО ЗОЛОТУ

«Москва буквально напичкана кладами, - утверждает мой знакомый Юрий Столяр. - Надо только знать, где их найти». Скромный библиотечный работник, он давно уже сделал кладоискательство своей основной (если так можно выразиться) профессией. И главным источником дохода. На его счету - несколько солидных кладов.

Столяр «заболел» поисками «пещеры Али-Бабы» (или хотя бы сундука с золотом) еще в детстве. Довольно банальная болезнь: кто, начитавшись «Острова сокровищ», не бредил поисками несметных богатств! Но сверстники Столяра, повзрослев, напрочь забыли о детских мечтаниях. Ему же идея искать и, главное, найти свой клад крепко засела в голову.

Опускаю подробности его дальнейшей биографии. Упомяну только учебу в Институте культуры в Химках. Во МГИКе кладами, конечно, и не пахло. Зато была уйма свободного времени и возможность часами просиживать в архивах. Там-то Столяр и понял: да ведь незачем ходить за тридевять земель. Клады надо искать в родном городе.

На такую мысль его натолкнуло изучение вышедшего до Великого Октября справочника «Вся Москва», где содержались фамилии, профессии и адреса большинства состоятельных жителей города. Если покопаться в подобном справочнике, а потом проследить по архивным документам судьбу горожан, то выводы последуют весьма интересные.

Вот и наш меркантильный романтик в конце 70-х отправился в старый дом в 1-м Спасоналиковском переулке, где некогда жил преуспевающий ювелир дореволюционной Москвы. В доме тогда шел заурядный капитальный ремонт.

Сложнее всего было найти треклятый тайник, - вспоминает Столяр. - Днем в доме вкалывали рабочие, поэтому приходилось пробираться в него ночью. Простукивать, озираясь по сторонам, стены, отыскивать неплотно прилегающие доски паркета. К тому же и опыта у меня не хватало. На поиски уходила масса времени. Зато как же я радовался находке!

Если не считать бумажных денег (царских купюр и «керенок»), в тайнике находилась шкатулка, наполненная двухсантиметровыми золотыми империялами, перемешанными с ювелирными украшениями.

Поначалу кладоискатель не оценил, насколько ему подфартило. С утра позвонил в милицию, сообщил о находке. Несколько дней оформлял разные бумаги. А

потом - прошло четыре-пять месяцев - получил от государства свои законные 25 процентов, или немногим более 8 тысяч рублей. По тем временам, когда средняя зарплата квалифицированного инженера составляла 150-160 рублей, а член Академии наук СССР получал 500-750 рублей, сумма огромная.

И Столяр начал относиться к своему хобби более чем серьезно. Позднее такой подход позволил отыскать в доме в Потаповском переулке во время ремонта полов срон из нескольких десятков крупных жемчужин, около трех десятков бриллиантов и других драгоценных камней в оправе, а также брошей и прочих «безделушек». Потом была шкатулка с драгоценностями из Большого Харитоньевского переулка, потом - клад из нескольких массивных слитков золота в законсервированном под снос доме на углу Тверского бульвара. Помните, на месте нынешнего уютного сквера с фонтанами находился неказистый трехэтажный дом, где круглосуточно работала одна из лучших в городе аптек, а еще - любимая не одним поколением москвичей шашлычница «Эльбрус», прибежище московских «интеллектуалов»? Вот там-то и обнаружил Столяр свой клад. Наконец, его последняя (по счету) находка датируется 1990 годом: в одном из домов на Соянке обнаружил пару банок из-под чая, набитых драгоценностями.

Убежден, это далеко не последняя находка, - говорит Столяр. - Тем более что теперь сокровища

искать гораздо проще. Есть клубы искателей. Есть интернет-сайты, пестрящие объявлениями типа «ищу партнера для поиска клада». Продаются специальные карты Москвы и области, где отмечены возможные местонахождения скровен. Да и государство, спасибо ему, сменило гнев на милость.

Действительно, государство уже не претендует, чтобы счастливчик, как в былые времена, отдавал ему три четверти найденного, а сам довольствовался жалкими 25 процентами. Теперь оно претендует только на долю как владелец земли (недвижимости). Да и то если это, по терминологии законодательства, клад - то есть «много предметов, найденных в одном месте». Такое сокровище делится с казной по-братски - пополам. А если это находка - один предмет из одного места, то казна готова даже оставить ее в собственности кладоискателю при условии, что в течение года не обнаружится ее законный владелец.

Допустим, который уж век кладоискатели ищут в доме на углу Большой Лубянки и Кузнецкого моста золотую с бриллиантами диадему вдовы гвардии ротмистра Дарьи Николаевны Салтыковой (помните - знаменитая по школьным учебникам истории истязательница крепостных Салтычиха?). А мне повезло, и тогда находка станет моей. Понятно же, Салтычиха за своей диадемой ни через год, ни даже лет через 100 не явится. Если только, по Гражданскому кодексу, казна не признает ее памятником ис-

тории или культуры. Тогда я обязан отдать украшение государству, рассчитывая на 50 процентов его оценочной стоимости.

Впрочем, правила эти существуют только на бумаге. Большинству кладоискателей (при нынешнем-то бездействующем законодательстве!) и в голову, думаю, не приходит информировать государство о своих находках.

Между тем клады ищут и ищут. Притом у каждого кладоискателя - своя специализация. Кто-то предпочитает гоняться за несметными богатствами в городских зданиях, другой исследует городские озера, третий отправляется на поиски курганов в Подмосковье.

В прошлом веке считалось, что лучше всего сокровища даются в руки под Пасху, Ивана Купалу и Новый год. А отправляясь на поиски, на удачу надо прихватить крест, ладан и свечку. Но съевшие на деле кладоискательства собаку современные меркантильные романтики отдают предпочтение металлоискателю да надежным, проверенным картам. Географическим, разумеется. Все это обходится им в копейку. Но разве это деньги по сравнению, скажем, с кладом, который можно найти!

Есть клады, ставшие легендами. Вроде Иван Грозный рассказывал в подземельях исторической Москвы золото и драгоценности, иконы и книги из личной библиотеки. Говорят, Малюта Скуратов зарыл свои сокровища в подземном ходу через Ваганьковский холм в сторону Хамовников. Есть якобы клад семьи Фаберже, который, по архивным-де документам, схищен в многочисленных тайниках по всей исторической Москве. А сподвижник Петра Великого чернокожничик Яков Брюс спрятал свою редкую научную библиотеку или в загородном поместье на территории нынешнего Монины, или под снесенной еще в 30-х годах Суарева башней. Замечу, несмотря на активные поиски, ни один из этих кладов по сию пору не найден.

Зато отыскиваются менее знаменитые. Больше всего так называемых революционных кладов. Ведь от Октября бежали в спешке, прихватывая с собой самое необходимое, мало-мальски же ценные предметы прятая до лучших времен. Таких кладов в Москве уже находили много. И не только профессионалы кладоискательства, но и люди весьма случайные - строители, работники коммунального хозяйства.

По словам кладоискателей, столица буквально напичкана сокровищами. И в старинных особняках. И в любом доме дооктябрьской постройки. И на территории церквей и монастырей. Жаждающим быстро разбогатеть кружат голову рассказы о тайниках, спрятанных то тут, то там буквально по всей старой Москве.

Однако большинство профессиональных кладоискателей легендами хоть и интересуются, но слушают их вполуха. «Понятное дело, в Москве и области скрыто огромное количество кладов, - завершает рассказ Юрий Столяр. - Но если верить всем этим сказаниям, можно решить, что москвичи ходят по золоту».

Ходят - не ходят, но из его рассказа я понял: кладоискатели, пожалуй, единственные из москвичей, кто радуется реформе ЖКХ - глядишь, в ее ходе новые траншеи в центре рыть начнут. А в траншеях этих знает что?!

Геннадий ВОСКРЕСЕНСКИЙ

«ВЬЕТСЯ ПО ВЕТРУ ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР...»

Поэт Павел Коган, отправляя в путь свою «Бригантину», не знал, что ей предстоит дальнейшее плавание, песня обретет свою судьбу, а имя автора надолго забудется.

Студенческая жизнь у многих начиналась с «Бригантины». Она с давних лет стала некоронованным гимном студентов. «Вьется по ветру веселый Роджер...» - пели физики, геологи и историки. Что было в этой песне? Какая скрытая тайна? Почему она переходила от одного поколения к другому, и каждый открывал в ней что-то близкое? Долгие годы она существовала сама по себе. Никто не мог бы сказать, когда она появилась и кто ее написал. Потом выплыло имя поэта - Павел Коган. В сборниках погибших на войне поэтов появились его стихи. В том числе и «Бригантина». Он написал ее в конце тридцатых го-

дов. Его друг Георгий Лепский, не знавший нотной грамоты, придумал мелодию. Песня попала в МГУ, а вскоре и в другие московские вузы. При жизни стихи Павла Когана не были напечатаны. Потому и «Бригантина» оставалась безымянной. После войны друзья по клочкам собирали разрозненные строки, написали воспоминания о нем, чтобы яркая поэтическая судьба Павла Когана не канула в Лету.

...Перед войной средоточием талантов в Москве считался знаменитый ИФЛИ - Институт истории, философии и литературы. Павел Коган поступил в ИФЛИ в 1936-м. И вскоре о нем стали говорить как о подающем большие надежды поэте. Каким он был? Известный поэт Сергей Наровчатов вспоминал: «На курсе появился худощавый, угловатый юноша. Павел Коган прежде всего поразил нас своей памятью, начитанностью. Он знал наизусть тысячи поэтических строк, жил поэзией. Безудержный фантазер и мечтатель. Его суждения отличались ироничной резкостью. Когда речь шла о поэзии, он не щадил самолюбия собеседника. Вспоминаю наш разговор, который мог появиться только на рубеже двадцати лет. Кто-то из нас предложил графически начертить линию жизни, как он сам себе ее представляет. Павел Коган подошел к столу и резким росчерком карандаша нарисовал остроконечный угол. Тогда и появились его строки:

*Я с детства не любил овал.
Я с детства угол рисовал.*

...Вечная боль нашей истории. Не только в наши дни, но и современники Павла Когана спорили о том, что есть Россия. Среди его сверстников-стихотворцев были и такие, кто с презрительной ухмылкой называл нашу страну «серой, лапотной Расеей». Друзья Павла Когана вспоминали, как в клубе на литературном вечере он вышел на сцену и с

присущей ему залихватской категоричностью прочел свой манифест:

*Я патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю.
И где еще найдешь такие
Березы, как в родном краю!
Я б сдох, как пес, от ностальгии
В любом кокосовом раю...*

Его стихи обладают редкой особенностью. Их читаешь, как необычный по искренности документ времени. Павел Коган пишет о трагических противоречиях в духовном облике своего поколения. В те годы надо было иметь смелость, чтобы вопреки поверхностной газетной трескотне нарисовать такой портрет своих сверстников:

*Мальчишки в старых пиджаках,
Мальчишки в довоенных валенках,
Оглохшие от грома труб,
Восторженные, злые, маленькие.*

В этих строках - предвестие трагедии. Павел Коган пытается разобраться, осмыслить, выразить разлом, проходивший в судьбах и душах людей. В ИФЛИ тогда устраивали показательные процессы - дети публично должны были отказаться от своих репрессированных родителей. Слезы и сомнения жертв на этих шумных собраниях тонули в пафосе жестокого красноречия, прямолинейных суждений и искренних заблуждений молодых людей. В стихах, помеченных 1937 годом, похожих на зашифрованный код, Павел Коган пишет о том, как «на лету обугливалась фраза». В отличие от поздних маститых идеологов, которые станут утверждать, что они ничего не видели, не ведали, двадцатилетний поэт берет и на себя ответственность за трагедию:

*О пафос дней, не ведавших причалов,
Когда, еще не выдумав судьбы,
Мы сами, не распутавшись в началах,
Вершили скоротечные суды!*

Недаром в древности поэтов называли пророками. Как и другие поэты яркой предвоенной поросли, Павел Коган предчувствует судьбу своего поколения и свою собственную судьбу. В тот год, когда был подписан известный пакт с Германией, Павел Коган написал:

*Я слушаю далекий грохот,
Подпочвенный, неясный гуд.*

В его стихах проступает мотив прощания со всем, что ему дорого. Даже в «Бригантине» вдруг выплывает строка: «Так прощались с самой серебристой, самой заветной мечтой...» Один из друзей Павла Когана, Алексей Леонтьев, вспоминал: «Весна 1941 года. Стоим во дворе ИФЛИ. Зашел разговор о войне. Прищурившись на солнце, Павка Коган тихо сказал: «Я с нее, проклятой, не вернусь...»

Павел Коган пишет об аскетическом облике своего поколения:

*Мое поколение - это зубы сожжи
и работай.
Мое поколение - это пулю прими
и рухни.*

Эту жертвенную судьбу поэт принимает с чувством подлинного человеческого достоинства. Он говорит о потомках:

*Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.*

С присущей ему иронией Павел Коган размышляет над тем, что пройдет время, и над их братскими могилами будет звучать словесная фальшь:

*Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они прикасают и припудрят,
И все-таки - пробьемся мы!*

В то время, когда на их головы сыпались бодрые марши и стихотворные лозунги, Павел Коган, не видевший войны, в точности угадывает черты военного быта. Он заранее знает, что солдаты пойдут «по дороге ржавой, в крови, во вшах, в тоске утрат».

Иные его стихи вызывают мистическое чувство. В самом деле - как можно было предвидеть и знать такое? Еще в 1940 году Павел Коган называет место, до которого с боями дойдут наши солдаты, и даже помечает годы, когда после войны наступит время памяти.

*Когда-нибудь в пятидесятых
Художники от мук сопреют,
Пока они изобразят их,
Погибших взорвет речки Шпрее.*

Павел Коган поступил так, как и писал в своих стихах. Для студентов старших курсов еще сохранилась отсрочка от призыва на фронт, однако Павел добровольцем уходит на войну. Он становится переводчиком в войсковой разведке. Строки из его писем с фронта:

«Только здесь, на фронте, я понял, как-ка ослепительная, какая обаятельная штука - жизнь. Рядом со смертью это очень хорошо понимается. 3-го был бой, а 4 июля - день моего рождения. Я шел и думал, что остаться живым в таком бою все равно как еще раз родиться. Трудно и мучительно думать на фронте о смерти - ведь я могу не успеть дописать это письмо - квакнет мина...»

Странно и непостижимо - в стихах, оборванных на полуслове, написанных также до войны, он видит свою участь:

*Упасть лицом на высохшие травы
И уж не встать...*

Так и случилось в жизни. Павел Коган погиб в 1942 году в бою на сопке Сахарная Голова под Новороссийском. Это было в сентябре, когда на склонах пожули кустарники и травы. Павел Коган вместе с группой разведчиков ушел за линию фронта добывать «языка». Их обнаружили. Завязался бой... Печальное пророчество сбылось. Тетрадка, в которую он на фронте заносил свои стихи, затерялась.

Людмила ОБЧИННИКОВА